

такого образа жизни никто не возвыситъ голоса, и самъ человѣкъ можетъ себя поздравить, что, поступая такимъ образомъ, онъ сталъ выше суевѣрій и жилъ по послѣднему слову науки.

Все это логическія послѣдствія ученія объ окончательной смертности человѣка. Въ этомъ не должно дѣлать себѣ иллюзіи. Если человѣкъ есть только животное, то не можетъ быть и рѣчи о его духовномъ преуспѣяніи, а только о его матеріальномъ благосостояніи; и всѣ средства къ достиженію этого благосостоянія должны считаться дозволенными, доколѣ онѣ не нарушаютъ установленныхъ для сего благосостоянія законовъ. И вотъ въ продолженіе цѣлаго вѣка мыслящая часть общества все болѣе и болѣе утрачиваетъ вѣру въ какое-либо посмертное существованіе; вмѣстѣ съ тѣмъ всякая неправда и животность все болѣе и болѣе берутъ верхъ, а если малѣйшая неудача въ жизни насъ постигаетъ, то пущенная въ лобъ пуля очень скоро этому затрудненію помогаетъ.

Почему же графъ Толстой полагаетъ, что его ученіе о жизни будетъ имѣть болѣе успѣха, чѣмъ высказанное полвѣка тому назадъ? Человѣкъ очень мало интересуется тѣмъ, что будетъ послѣ него: *après nous le déluge* — вотъ лозунгъ нашего вѣка. Чѣмъ болѣе будетъ человѣчество проникаться этимъ ученіемъ, тѣмъ болѣе будетъ оно отрекаться отъ всякихъ